

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 94(47).043 =161.1 (049.32) «15»

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-70-75

Пенской В. В.

«НА СВОЕ НА ДЕЛО ГОСУДАРЕВО И НА ЗЕМСКОЕ...»

Доктор исторических наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на недавно вышедшую монографию Санкт-петербургского историка В.В. Бовыкина, посвященную истории местного самоуправления в эпоху Ивана Грозного. Характеризуя монографию, автор рецензии вместе с тем высказывает свои соображения относительно особенностей процесса выстраивания отношений между «землей» и властью в середине XVI века.

Ключевые слова: Россия; реформы середина XVI века; Иван Грозный; земство; самоуправление.

Penskoy V. V.

«FOR HIS WORK OF SOVEREIGN AND FOR LAND...»

Doctor of Historical Sciences, Professor. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Abstract

The article is a review of the recently published monograph written by Vladimir Bovykin, a historian from St. Petersburg, on the history of local government in the era of Ivan the Terrible. Describing the monograph, the author of review yet expressed his own views on the features of building the relations between the «land» and the power in the middle of the XVI century.

Key words: Russia; the reforms mid.-XVI century; Ivan the Terrible; the district council; local self-government.

В отечественной, и не только, историографии, особенно в либеральной ее части, давно утвердилось мнение о том, что реформы так называемой «Избранной рады» носили ярко выраженный прогрессивный и (с подачи некоторых наиболее радикально настроенных историков и в особенности публицистов) едва ли не судьбоносный характер. Эти реформы, по мнению «радикалов», в случае их успешного завершения могли вывести Россию на европейский путь развития: «Ростки понимания государственной работы как общего дела монарха и подданных, работы “всей земли”, пробившиеся в реформах 1550-х гг., бесспорно, открывали для Руси правовую перспективу...» [8, с. 113. Ср.: 14, с. 188-191]. Однако злой волей одного человека, образ которого приобрел воистину демонический характер, свершившего «самодержавную революцию» (термин А.Л. Янова), Россия и

русское общество в своем политическом и социальном развитии были повернуты в другое, «неправильное», «азиатское», авторитарно-тираническое русло. Открывшееся было «окно возможностей» с треском захлопнулось, трагедия (с точки зрения А.Л. Янова и его единомышленников) свершилась.

Некоторое время назад в одной из статей об эпохе Ивана Грозного я привел цитату из работы отечественного историка Е.С. Корчминой, которую, хоть и сказанную по другому поводу, не откажу себе в удовольствии привести еще раз, ибо она очень созвучна тому, что было сказано в предыдущем абзаце: «Обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное (выделено мной – В.П. Именно так – не первое

приближение к истине, а как нечто доказанное!). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым ещё предстоит дать ответ...» [9, с. 78]. Завершая ту статью, я отметил, что, несмотря на весь груз предрассудков и заскорузлых стереотипов, медленно, неуверенно, но пробиваются ростки нового, более взвешенного, избавляющегося шаг за шагом от излишней политизированности и ангажированности, взгляда на личность первого русского царя и его эпоху. Монография санкт-петербургского исследователя В.В. Бовыкина, «Очерки по истории местного самоуправления эпохи Ивана Грозного» [5], о которой пойдет речь дальше, как раз и представляет собой один из таких ростков.

О чем эта книга? Ответ на этот вопрос четко и недвусмысленно указан уже в аннотации к изданию: «Монография посвящена важнейшей в историографическом отношении проблеме отечественной истории – выяснению социально-политической природы Российского государства». Очевидно, что при такой трактовке предмета исследования он приобретает глобальный характер, и этот груз поднять одному исследователю чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Осознавая это, автор исследования сужает границы поискового поля: «В фокусе исследовательского интереса – структуры общественного самоуправления, эволюция их взаимоотношений с центральной властью на протяжении XVI в.» [5, с. 2].

Итак, интересующий исследователя аспект русской истории обозначен: через изучение особенностей местного, «земского», самоуправления и его взаимодействия с Москвой выйти на более высокий уровень обобщения и охарактеризовать саму природу Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени. Задача, что и говорить, поставлена сложнейшая и вместе с тем преинтереснейшая, ибо, если она будет решена более или менее удовлетворительным образом, то это так или иначе неизбежно приведет к переоценке многих устоявшихся, – нет, лучше – устойчивых, базовых стереотипов восприятия русской действительности давно ушедшей эпохи. И это не считая потенциальной возможности найти ответы на целый ряд «проклятых» вопросов русской истории (хотя бы на вынесенный в начало этой статьи вопрос о «самодержавной революции», свершенной якобы Иваном Грозным в начале 60-х гг. XVI в.). По

одной только этой причине появление такой работы стоит приветствовать (кстати, тремя годами ранее В.В. Бовыкин опубликовал исследование, которое легло в основу рецензируемого – «Местное самоуправление в Русском государстве XVI в.» [4]. Уже тогда мы обратили внимание на оригинальные выводы, сделанные автором, и с тем большим интересом прочитали новую монографию).

Насколько успешно удалось исследователю решить поставленную задачу, решать, конечно, читателю, которого стоит, правда, предупредить: монография написана непростым языком, требующим определенной подготовки и терпения. Насыщенная обильным фактическим материалом, затрагивающая порой, казалось бы, довольно удаленные от основной темы вопросы, она требует внимательного, вдумчивого прочтения – что называется, «с карандашом в руках». Не ставя перед собой задачу пересказывать содержание работы, как и в предыдущей своей рецензии [13], хочу заострить внимание читателей на тех главных, на мой взгляд, выводах, которые получил автор монографии, а также высказать ряд родившихся в результате обдумывания прочитанного соображений.

Два тезиса, которые озвучил автор исследования в заключение своей работы, заслуживают, на мой взгляд, первостепенного внимания (обратим внимание на то обстоятельство, что эти тезисы, эти выводы подкреплены результатами анализа обширного круга использованных в процессе изучения проблемы самых разнообразных источников, и оттого не выглядят легковесными, упрощенными). Первый из них заключается в том, что, по мнению автора, в середине 50-х гг. XVI в. и даже несколько ранее, если вести отсчет реформ земского самоуправления от первых губных грамот 30-х гг. того же столетия, власть, столкнувшись с проблемой «устроения» государства и общества (и как тут не вспомнить выдвинутый петербургским же историком М.М. Кромом тезис о некоем «аристотелизме» московской внутренней «политики» той эпохи как стремлении к достижению общего блага, правильному «устроению» «дела государственного и земского» [11]!), пошла навстречу требованиям «земли». «Центр постепенно «поворачивался лицом» к вопросу внутреннего обустройства государства, – пишет историк, – к проблеме земского устроения» [5, с. 382]. И, поворачиваясь лицом к нуждам «земли», откликаясь на ее челобитные, центр в конечном итоге пошел на

весьма серьезные уступки последней. Столкнувшись с тем, что государев административный аппарат (наместники, волостели и пр.) не справляются с растущей волной преступности, власть пошла на то, чтобы передать «земле» сперва судебные полномочия, а затем и расширить сферу деятельности земского самоуправления за счет делегирования ему прав на самостоятельное разрешение целого ряда хозяйственных и связанных с ними фискальных вопросов. «Потенциал и способности русского общества с его древними традициями самоуправления оказались востребованы государством», – отмечает автор, при этом «вся организационная, прикладная и практическая часть дела была отдана на откуп местной инициативе. За Москвой же оставалось право на руководящие и контролирующие функции» [5, с. 384]. При этом, подчеркивает исследователь, уже «к началу 1550-х гг. земское самоуправление в масштабах страны – *системное явление, продукт совместного творчества масс и властной элиты (курсив мой – В.П.)...*» [5, с. 384], т.е. работа по «устроению» шла одновременно и сверху, и снизу.

Из этого тезиса вытекает и другой, не менее важный: по мнению автора монографии, «мероприятия по реформированию местного управления в 1550-е гг. представляются осознанными как необходимость *системными* действиями (курсив мой – В.П.)...». Можно, конечно, поспорить с автором относительно степени системности «реформирования» местного, «земского» самоуправления: системность предполагает определенный уровень теоретизации, осмысления накопленного прежде опыта и, как следствие, определенного плана реформ. Но сохранившиеся источники об этих аспектах реформы ничего не говорят и, на наш взгляд, речь, скорее всего, стоит вести о шагах, продиктованных насущными потребностями и вытекающих из прежней административной практики. Однако трудно не согласиться с его утверждением, что «делегируя им [“земствам”] новые властные полномочия, одновременно *конституируя традиционные, устойчивые институты самоорганизации и самостоятельности* (курсив мой – В.П. На этот момент “реформы” стоит обратить особое внимание!), центральная власть как будто бы пыталась сформировать из этих архаичных структур адекватного “партнера-соправителя”» [5, с. 384].

И вот тут возникает закономерный вопрос: а почему, собственно, «как будто бы пыталась сформировать»? Власть, если действительно желала навести порядок в стране, «устроить» и «дело государево», и «дело земское», неизбежно оказывалась перед проблемой – как добиться этого «устройства»? Попытка «устроить» общество через традиционный институт наместничества-волостельства и кормления, как показывал опыт, не привела к желаемым результатам, напротив, только усилила противоречия между «землей» и Москвой. Можно, конечно, было попробовать «закрутить гайки» еще больше, нарастить бюрократическую мускулатуру и пресловутый «административный ресурс», но для этого нужны были и деньги, и люди, и соответствующий опыт, не говоря уже о времени. Но ни того, ни другого, ни третьего у Москвы не было.

Здесь стоит обратить внимание на соображения, высказанные уже упомянутым М.М. Кромом относительно характерных особенностей московского бюрократического аппарата (речь идет о его центральном звене – формирующейся столичной приказной бюрократии, которая, собственно, институционализируется параллельно с процессами земских «реформ»). Историк отмечал, во-первых, что в 30-е – 40-е гг. XVI в. московской бюрократической практике не было свойственно ведение централизованного учета исходящих документов; а во-вторых, сам по себе формирующийся приказной аппарат был «маломощен» (особенно это заметно на фоне развитых бюрократий того времени – французской или испанской – В.П.) [10, с. 364-365, 366, 374-375]. С чем связана эта «маломощность», проявлявшаяся и в неразвитости бюрократической техники (отсутствие централизованного учета – один из характерных ее признаков), и в малочисленности приказного аппарата во все времена – вопрос чрезвычайно интересный и дискуссионный (в порядке рабочей гипотезы мы бы предположили, что, с одной стороны, сказалось отсутствие, по словам В.М. Живова, «римской прививки» [7, с. 295-296], а с другой – отмеченный, к примеру, Л.В. Миловым, «минимальный объем совокупного прибавочного продукта», связанный с суровыми и в целом неблагоприятными условиями для полноценного развития аграрного сектора экономики. Отсюда, как следствие, «крайне неблагоприятные условия для формирования государственной надстройки над компонентами базисного характера» [12,

с. 562]). Так или иначе, но, похоже, особого выбора у Москвы не было, и это отсутствие сколько-нибудь серьезной альтернативы было осознано правящей верхушкой (во всяком случае, той ее частью, которая определяла курс «правительства» с середины 30-х гг. XVI в.). Поняв же невозможность действовать в рамках прежнего курса, правящая элита неизбежно должна была попытаться сыскать некую силу, способную компенсировать слабость бюрократической машины.

Этой силой и стала «земля» с ее опытом самоуправления, пусть и архаичным. И снова процитируем В.В. Бовыкина: «В результате комплекса реформ местное самоуправление фактически получило признание центральной власти как своего alter ego...» [5, с. 384-385]. На наш взгляд, весь смысл «реформ» «земского» самоуправления во 2-й половине 30-х – 50-х гг. XVI в. как раз и заключался в том, чтобы не создавать нечто новое и потому подозрительное (московское общество той эпохи было все же средневековым, чрезвычайно консервативным по своему мироощущению и к новшествам относилось с подозрением). Задача как раз и состояла в том, чтобы «конституировать» уже существующую практику, ввести ее в некие законные рамки, освятить ее авторитетом верховной власти, придать ей вполне определенный социальный и политический статус. В этом плане весьма любопытна интерпретация пассажа Ивана Грозного из его послания шведскому королю Иоганну III относительно статуса волостного старшины, сделанная автором монографии. В.В. Бовыкин подчеркивает в своем исследовании, что русский царь, «предприняв попытку «высмеять» низкое происхождение новой династии шведских королей», однако ж «одновременно вознес и в их глазах, и в своих собственных, и перед всеми, кто имел удовольствие ознакомиться с текстом [послания], достоинство волостного старосты...» [5, с. 330].

Стоит обратить внимание на еще один пассаж В.В. Бовыкина, суть которого в том, что Москва, выстраивая новую систему управления с опорой на «землю», экспериментировала одновременно с несколькими институтами местного самоуправления и, «находясь над схваткой (конкуренцией этих институтов – В.П.), правительство имело возможность сравнивать разные ветви местной власти, их потенциал, определить, какая из них в большей степени соответствует его представлениям о должной

организации управления» [5, с. 385]. С одной стороны, на наш взгляд, такая политика властей свидетельствует как раз об отсутствии той самой системности, продуманности реформы (сперва план реформы, а потом сама реформа), а с другой – о стремлении этой власти найти действительно эффективный механизм взаимодействия с «землей», при котором учитывались бы интересы и «дела государева», и «дела земского». И похоже, что власти удалось решить эту проблему более или менее удовлетворительно. «Насилия в средневековом мире было предостаточно, – пишет историк, – но не на нем одном строилось государство и структурировалось общество. Никакая власть не может держаться только на одном насилии и подавлении. Есть и был более значимый фактор – консенсус власти и общества, земли и государства...» [5, с. 385].

Не случайно я выделил именно эти слова: долгое и сопряженное с великими испытаниями и потрясениями правление Ивана Грозного не знало столь же великих социальных потрясений и движений, мятежей и бунтов, в отличие, к примеру, от столь же долгого правления «Тишайшего» Алексея Михайловича. Быть может, в выделенных словах и скрывается ответ на эту загадку? Во всяком случае, актовые материалы, сохранившиеся со времен Ивана Грозного, наглядно показывают всю силу крестьянского «мира» (да и не только его одного) – организованного, хорошо вооруженного, осознающего свои интересы и готового отстаивать этот интерес всеми способами, законными и незаконными. И эта «тишина» свидетельствует лучше всяких иных свидетельств, что в той или иной степени, но консенсус между государством и «землей» (во всяком случае, ее наиболее влиятельной и могущественной частью, способной повести за собой остальных) в вопросах управления был достигнут. А это значит, что конечная цель «реформы», «устройство» государства и общества, была достигнута.

Но как в таком случае воспринимать фразу С.Б. Веселовского, который отрицал за Иваном Грозным наличие мудрости и государственных талантов на том лишь основании, что после отстранения в начале 60-х гг. XVI в. от власти «непрощенных советников» из пресловутой «Избранной рады» «до самых последних лет его [Ивана] сколько-нибудь значительных реформ не было» [6, с. 147]? А может быть, все было намного проще – к началу 60-х гг. сложился вполне эффективный и работоспособный

консенсус «земли» и государства, основанный на четком разделении полномочий и компетенции «внизу» и «наверху»? Прочитируем В.В. Бовыкина: «Профилактика преступности и организация борьбы с ее наиболее общественно опасными проявлениями – разбоями, отправление правосудия, раскладка и сбор податей – чрезвычайно сложные вопросы внутренней политики. Как оказалось, эффективно решать эти вопросы в Русском государстве XVI в. было под силу лишь местному самоуправлению, в лице своих органов, наделенных соответствующим статусом и облеченных доверием как правящей элиты, так и “простого всенародства”...» [5, с. 386]. Но если этот консенсус работает, справляется со своими задачами, то зачем его пытаться и дальше реформировать и исправлять? Быть может, как раз именно в этом и заключается истинная государственная мудрость и талант – в том, чтобы не трогать того, что работает (мысль, к сожалению, и пой сей день не доходящая до сознания многих «реформаторов»). И тогда выходит, что маститый историк явно поторопился, сделав такой вывод (впрочем, это и неудивительно, учитывая общее негативное отношение либерального крыла отечественной историографии к Ивану Грозному).

Завершая эту рецензию, отметим, что В.В. Бовыкин в своих выводах не одинок. На память приходит мысль отечественного историка В.А. Аракчеева, так же как и В.В. Бовыкин, занимающегося проблемами земского самоуправления в Русском государстве в XVI–XVII в. Он писал, что «земская реформа в свете новых источников никак не выглядит антитезой монархическому государству и его институтам. Сохранившиеся до нашего времени комплексы актов земского документооборота свидетельствуют прежде всего о проникновении государственного аппарата в толщу земских миров, чьи усилия были бюрократизированы и поставлены под контроль и учет (но никак не отменены – В.П.)...» [3, с. 412]. И как тут не вспомнить концепцию «земско-служилого государства» Ю.Г. Алексева [2, с. 431-433], и высказывание академика Н.Н. Покровского. Последний писал, что при Иване III «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности;

исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-“города” и пр. – В.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...» [1, с. 5-6].

Принимая во внимание эти идеи и соглашаясь в целом с ними, от себя добавлю, что это «земско-служилое» государство, зародившись при Иване III, при его внуке принимает свои законченные формы. Эти формы позволили Русскому государству сперва устоять в войне на два фронта против Великого княжества Литовского (а затем Речи Посполитой) и Крымского ханства, а позднее выжить в Смуту. В таком случае ни о какой пресловутой «самодержавной революции», якобы своротившей Русскую землю с «европейского» (читай – «верного») пути развития и речи быть не может. И понимание государственной работы как общего дела монарха и подданных не только никуда не исчезло, но, напротив, продолжило свое существование (кстати, в этом случае стоит обратить внимание на Земский собор 1566 г.) – события 1610-1613 гг. наглядное тому свидетельство.

Исследование В.В. Бовыкина интересно не только оригинальными выводами, но и теми перспективами, которые открываются при внимательном, «с карандашом», чтении работы. Например, как взаимодействовали крестьянские «миры» черных волостей с помещиками, получившими поместья в такой волости? Или насколько учитывались местные традиции и обычаи в процессе реформирования земского самоуправления и приведения его к определенному, удобному для московских властей, «стандарту»? Сам автор монографии, похоже, этот вопрос проработал лишь в общих чертах, схематически. Во всяком случае, он, соглашаясь с мнением С.А. Шумакова о том, что губные учреждения впервые появились на Псковщине и Новгородчине потому, что здесь традиции самоуправления были развиты изначально, далее сам же и отмечает, что «ни в одной губной грамоте мы не увидим сколько-нибудь внятных инструкций, которым должны были следовать многочисленные адресаты... Законодателю, по-видимому, совершенно нечего было сказать по этому поводу, и он всю организационную, прикладную и практическую часть дела отдал на откуп местной инициативе...» [5, с. 180, 184-185]. Но совершенно очевидно, что

при всей схожести обычаев и традиций все же была определенная разница между Псковом и, к примеру, Рязанью или Суздалем. Учитывая уже отмеченный выше тезис Л.В. Милова о проблемах, связанных с формированием властных структур, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на отсутствие сколько-нибудь внятных свидетельств относительно характера местного самоуправления на Руси где бы то ни было за пределами Пскова и Новгорода, оно не только существовало до реформ Ивана Грозного на той же Рязанщине. Более того, оно еще и имело опыт, достаточный для того, чтобы с ходу взять на себя те полномочия, которые была готова передать под его юрисдикцию Москва, и успешно управляться с внезапно упавшей «сверху» ответственностью.

Литература

1. Алексеев, Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 447 с.
3. Аракчеев, В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
4. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
5. Бовыкин, В.В. Очерки по истории местного самоуправления эпохи Ивана Грозного. СПб.: ГП ЛО «ИПК Вести», 2015. 423 с.
6. Веселовский, С.Б. Московское государство XV–XVII вв. М.: АИРО-XXI, 2008. 384 с.
7. Живов, В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187-305.
8. Карацуба, И.В., Курукин, И.В., Соколов, Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.
9. Корчмина, Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77-91.
10. Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
11. Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в. // Одиссей: человек в истории. 2005. Время и пространство праздника. М., 2005. С. 283-303.
12. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности великорусского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2002. 576 с.

13. Пенской, В.В. «Тема без исследования» // Научный результат: Сетевой научно-практический журнал. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 2(4). С. 76-83.

14. Янов, А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

References

1. Alekseev, Yu. G. *Tsar of All Russia*. Novosibirsk: Nauka. 1991. 240 p.
2. Alekseev, Yu. G. *Code of Law of Ivan III. Tradition and Reform*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 2001. 447 p.
3. Arakcheev, V. A. *Power and «Earth». Government Policy in Respect of Taxpaying Estates in Russia in the Second Half of XVI – Beginning of XVII Century*. Moscow: Drevlekhranilishche. 2014. 512 p.
4. Bovykin, V. V. *Local Self-Government in the Russian State in XVI Century*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 2012. 421 p.
5. Bovykin, V. V. *Essays on the History of Local Self-Government in the Era of Ivan the Terrible*. St. Petersburg: «IPK Vesti». 2015. 423 p.
6. Veselovskiy, S. B. *The Muscovite State in XV–XVII Centuries*. Moscow: AIRO-XXI. 2008. 384 p.
7. Zhivov, V. M. The History of Russian Law as a Linguistic and Semiotic Problem. *Researches in the Field of History and Prehistory of Russian Culture*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kulturi. 2002. Pp. 187-305.
8. Karatsuba, I. V., Kurukin, I. V. and Sokolov, N. P. *Choosing their Own History. «Forks» in the Russian Way: from Descendants of Rurik to the Oligarchs*. Moscow: KoLibri. 2005. 638 p.
9. Korchmina, E. S. «Many Millions of Public Coffers Are in the Dark»: Arrears of the Poll Tax in the 1720-1760-ies. *Rossiyskaya istoriya*. No. 5 (2013). Pp. 77-91.
10. Krom, M. M. *«The Dowager Kingdom»: the Political Crisis of 30-40^{-ies} of the XVI Century in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. 888 p.
11. Krom, M. M. By Understanding the Moscow «Policy» of XVI Century. *Odyssus: Man in History*. 2005. *Time and Space of the Holiday*. Moscow. 2005. Pp. 283-303.
12. Milov, L. V. *Great-Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process*. Moscow: ROSSPEN. 2002. 576 p.
13. Penskoj, V. V. «A Problem without Research». *Research Result: The Network Journal. Series: Social and Human Studies*. Vol. 1. No. 2(4) (2015). Pp. 76-83.
14. Yanov, A. L. *Russia: at the Origins of the Tragedy. 1462-1584. Notes about the Nature and Origin of the Russian Statehood*. Moscow: Progress-Traditsiya. 2001. 559 p.